

В конце книги приложен список трудов по византиноведению, вышедших за последние 25—30 лет и учтенных автором. Бросается в глаза полное отсутствие в этом списке произведений советских авторов и авторов-марксистов других стран.

Оценивая книгу в целом, мы должны еще раз подчеркнуть, что идеалистическая концепция автора, видящего в христианстве один из основных факторов исторического развития, составляет ее идейный базис. Но самым характерным в книге является все же не это. Показательно то, что Хассей не ограничилась только вопросами политической истории и истории развития культуры, но и проявила заметный интерес к проблемам экономической жизни и общественной структуры, более того, она выразила стремление к комплексному освещению этих вопросов и предприняла попытку (одну из первых в зарубежном буржуазном византиноведении) объединить их решение в едином историческом очерке.

М. М. Фрейденберг

F. DVORNIK. BYZANTINE POLITICAL IDEAS IN KIEVAN RUSSIA.

**Dumbarton Oaks Papers № 9 and 10. Harvard University Press.
Cambridge, Mass., 1956, p. 71—121**

В современной западноевропейской и американской историографии Византии сравнительно большое место занимают работы, посвященные истории византийских политических идей в средневековой Европе, и особенно в России. Причины такого повышенного внимания уже отмечались в нашей литературе¹. Рецензируемая статья известного католического историка церкви, профессора Гарвардского университета, относится к этому же ряду работ.

Ф. Дворник посвящает свое исследование выяснению значения византийских политических идей о соотношении священства и царства (т. е. светской и церковной власти), о божественном характере светской верховной власти для древней Руси X—XII вв. По мнению автора, „тщательное изучение влияния византийских политических принципов на политическое развитие Киева“ приводит к заключению, что многие византийские идеи были воплощены в политическом строе Киевского государства и что они стали основой дальнейшего развития России (стр. 76). Последняя фраза хорошо выражает всю направленность рецензируемой работы, которая как бы должна служить введением к истории воплощения византийских политических идей в период образования централизованного русского государства XIV—XVI вв.

Автор привлек довольно широкий круг источников как византийских, так и русских. Он рассматривает памятники византийского светского и церковного права, Стословец, приписываемый патриарху Геннадию, Изборники 1073 и 1076 гг., Хронику Георгия Амартола, церковный устав Владимира Святославича, сочинения митрополита Илариона, Луки Жидяты, монаха Иакова, Кирилла Туровского, Пчелу, сочинения митрополита Никифора и Владимира Мономаха. Автор знаком с основными исследованиями этих памятников, и в том числе русскими, изданными до 1918 г. Что же касается работ, вышедших в Советском Союзе, то

¹ С. М. Каштанов. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. — ВВ, XI, 1956, стр. 308 сл.

автор, судя по приводимой им библиографии, знаком лишь с двумя публикациями: Хроникой Георгия Амартола, изданной В. М. Истриным, и первым томом „Памятников русского права“, составленным А. А. Зиминим. Автор не использовал исследования советских ученых 30—50-х гг. — как специальные, посвященные главным образом истории общественно-политической мысли и связи ее с общественным развитием и политической историей Руси, так и обобщающие. Это обедняет его выводы.

Свое исследование Ф. Дворник строит по следующему плану: 1) византийские сочинения, в которых изложены интересующие автора политические идеи; 2) проникновение этих сочинений на Русь и наличие их среди памятников русской письменности XI—XII вв.; 3) идеи о характере княжеской власти и отношении к этой власти духовенства в русских памятниках XI—XII вв. как результат усвоения византийских идей. Воплощение последних в политической жизни указанного времени.

Рассматривая памятники византийского права — канонического и светского (такие, как Номоканон Иоанна Схоластика и Сборник XIV титулов, содержащие соборные правила, Собрание постановлений в 87 главах, содержащее отрывки из новелл Юстиниана, из Эклоги и Прохирона), Ф. Дворник рассказывает историю переводов этих памятников, как она исследована К. Цахарие, А. С. Павловым, М. П. Бенеманским, В. Н. Бенешевичем и др. Он приходит к правильному выводу о раннем знакомстве древнерусского читателя с римским правом в изложении и переработке VI—IX вв. Кроме греческих книг, которыми могли пользоваться приехавшие на Русь греки и русские, владевшие греческим языком, в распоряжении местных юристов, политических и церковных деятелей уже в X—XII вв. были славянские переводы византийских сборников, содержащих основы римского права. Это были первые кормчие книги, известные нам по упоминаниям в древнерусской литературе и отдельным сохранившимся до нашего времени рукописям: Устюжской кормчей XIII в. и Ефремовской — XI—XII вв.²

В результате рассмотрения памятников византийского законодательства, и прежде всего новелл Юстиниана, сохранившихся в этих кормчих, Ф. Дворник приходит к выводу, что эти памятники должны были иметь заметное влияние в Киевской Руси. „Принципы, которые внушали императорские декреты, помогли оформить русскую концепцию об отношениях между церковью и государством и о правах и обязанностях правителя в христианском обществе“ (стр. 85).

Следует, однако, учитывать, что богатейший византийский юридический и вообще идеологический материал, который находился в распоряжении руководителей молодого русского государства в пору оформления его институтов и христианизации, не был однородным по выраженным в нем политическим взглядам на роль императора. Наряду с теориями, нашедшими особое развитие в памятниках времени иконоборцев, о неограниченности власти императора, бывшего главою и государства и церкви, в Византии существовало воззрение на императорскую власть как на равную с властью патриарха и ограниченную законами и канонами. Даже и до Эпанагоги, в которой эта теория нашла, благодаря Фотию, яркое выражение³, — памятника, неизвестного на Руси, как счи-

² Устюжская кормчая хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в собрании гр. Н. П. Румянцева под № 230, Ефремовская кормчая — в Государственном Историческом музее в Москве в составе Синодального собрания под № 227. В работе Ф. Дворника Синодальная кормчая № 227 случайно названа Устюжской (стр. 80—81).

³ В. Сокольский. О характере и значении Эпанагоги. — ВВ, I, 1894, стр. 35.

тает Ф. Дворник, до появления Синтагмы Матвея Властаря (XIV в.), — теория о равной власти и гармоническом сочетании царства и священства нашла выражение в памятниках византийского права, в том числе в новеллах Юстиниана. Исследователь близкого к рассматриваемой теме вопроса В. Вальденберг в сочинении, известном Ф. Дворнику, справедливо писал, что „византийское законодательство, так же как и византийская практика, не могло оказать на русские учения о пределах царской власти такого решительного влияния, которое определило бы сполна все содержание и направление этих учений. Византийское законодательство могло только дать чрезвычайно ценный и благодарный материал, которым русские книжники могли воспользоваться сообразно своим планам и для подкрепления уже слагавшихся идей“⁴. Естественно, что на Русь проникли и оказали большое влияние именно те из византийских идей, которые больше соответствовали местным условиям, порожденным слагавшимися здесь общественным и государственным строем.

Активное отношение древнерусских переводчиков и редакторов к отбору интересующего их материала подтверждается, между прочим, теми фактами из истории переводов византийских юридических памятников, которые оставлены Ф. Дворником без объяснения. Имеем в виду, в частности, сосуществование в славянских кормчих отрывков из двух памятников византийского права — Эклоги и Прохирона, несмотря на то, что в Византии последний вытеснил Эклогу из официального употребления. При этом если предисловие к Эклоге сохранено в славянском переводе, предисловие к Прохирону в славянских кормчих отсутствует. Видимо, нормы Эклоги, изданной в пору, когда Византия стояла на более низкой ступени общественного развития, могли еще вполне соответствовать нуждам славянских стран, и переводчик или редактор, вместо того чтобы отказаться от Эклоги, отказался от этого предисловия, прямо направленного против Эклоги и называющего ее „разрушением добрых законов, каковое для государства бесполезно и неудобно и сохранять“⁵.

После анализа юридических памятников Ф. Дворник останавливается на идеях, содержащихся в Стословце, Изборниках и Хронике Георгия Амартола. Если рассмотрение сочинения Амартола среди византийских памятников вполне закономерно, то включение сюда же Стословца и Изборника Святослава не является обоснованным. Исследованием Изборника 1076 г. специально занимался советский ученый Н. П. Попов, и если ему не удалось доказать принадлежность Изборника перу Илариона, то русское, по крайней мере славянское, происхождение основной части статей этого сборника он безусловно доказал⁶. Продолживший исследование Н. П. Попова И. У. Будовниц закономерно видит в идейном составе Изборника ответ на внутривосточную обстановку, сложившуюся на Руси. Цель создания Изборника 1076 г. — это всестороннее обоснование теории общественного примирения, столь необходимой для господствующего класса феодалов во время крайнего обострения классовых противоречий в Древнерусском

⁴ В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, стр. 58.

⁵ М. Бенеманский. Закон градский. М., 1917, стр. 459.

⁶ Н. Р. Попов. L'Izbornik de 1076 dit de Svjatoslav, comme monument littéraire. — „Revue des études slaves“, 1934, t. XIV, p. 17—24; idem. Les auteurs de l'Izbornik de Svjatoslav de 1076. — Ibid., t. XV, 1935, p. 210 sq.; его же. Памятники литературы стригольников. — Исторические записки, № 9, 1940, стр. 38—39.

государстве в 70-х годах XI в.⁷ В свете этих исследований представляется весьма натянутым рассмотрение Изборника 1076 г. и входящего в его состав Стословца среди византийских источников.

Изучение господствующей идеологии классового общества неизменно ведет объективного исследователя к уяснению сущности той идеологии, как отражения интересов господствующего класса. Обожествление власти князя служило лучшим освящением возглавляемого этим князем феодального порядка, и выступления против этого порядка или его носителей должны были в понимании древнерусских писателей караться богом в лице князя или его людей. Естественно в этих условиях то изображение личности и характера князя, которое дают современные им или последующие летописцы⁸. В феодальном обществе церковь как правая рука князя, владевшая словом и книгой, играла большую роль в поддержании и усилении существующего строя, используя для этого философию, проверенную не одним тысячелетием. Рассматривать вопрос о влиянии идеологии одной страны на идеологию другой, не учитывая классовый смысл этой идеологии, — это значит следить за поверхностью явлений, не вдаваясь в их сущность. Нужно ли говорить, что работа Дворника страдает этим недостатком?

Отдельно рассматривает Ф. Дворник вопрос об отношениях, сложившихся между Константинополем как средоточием авторитета императора и патриарха и Киевом как митрополий константинопольского патриархата. Касаясь некоторых работ, стремящихся доказать политическую зависимость Киевского государства от Византии⁹, Ф. Дворник справедливо отмечает, что „подчинение киевских князей высшему авторитету императора не может быть сравнено с отношением вассалов и сеньоров, как иногда изображается историками, незнакомыми с византийской политической системой. Киевские князья никогда не были вассалами императора. Они рассматривали последнего главным образом как высшую власть на земле, которой все христиане должны подчиняться по вопросам, касающимся христианского общества (Commonwealth)“ (стр. 95—96). Тут же автор останавливается и на вопросе о борьбе за самостоятельность русской церкви, проявившейся особенно отчетливо в поставлении митрополитом Иларiona в первой половине XI в. Ф. Дворник считает, что „вопреки общему мнению, назначение некоторых киевских митрополитов самими великими князьями не указывает еще, что киевские правители иногда восставали против этого вмешательства патриархов и императоров в религиозную жизнь их страны“ (стр. 95). „Есть ряд указаний, — продолжает Ф. Дворник, — что в этом мог быть достигнут компромисс между Киевом и Константинополем и что митрополиты выбирались поочередно патриархами и императорами, которые обычно посылали в Киев греческого прелата, и великими князьями, которые обычно выбирали местного священника“ (там же). Можно согласиться с автором, что „если это предположение будет полностью обосновано, окажется, что в Константинополе

⁷ И. У. Будовниц. „Изборник“ Святослава 1076 года и „Получение“ Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. — ТОДРЛ, X, 1954, стр. 44—59.

⁸ Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописях XII—XIII веков. — ТОДРЛ, X, 1957, стр. 7—43; Б. А. Романов. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947, стр. 144 сл.

⁹ А. А. Vasiliev. Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? — „Speculum“, VII, 1932, p. 350 sq.; N. K. Chadwick. The Beginnings of Russian History. Cambridge, 1946, p. 71 sq. См. разбор последней работы: М. Н. Тихомиров. Откровения Чадвик о начале русской истории. — ВИ, 1948, № 4, стр. 112—115.

должно было происходить только утверждение нового митрополита“ (там же). Однако известные нам источники не показывают такой определенности.

К концу рассматриваемого периода, к рубежу XII—XIII вв., относится перевод Пчелы, в котором Ф. Дворник также обращает внимание на ряд определений царя, в том числе из трактата дьякона Агапета о царской власти (стр. 109). Основываясь на знакомстве автора описания убийства Андрея Боголюбского (1175 г.) с идеями Агапета, отраженными в Пчеле, Ф. Дворник предлагает датировать перевод Пчелы не концом XII в., а временем до 1175 г., что заслуживает внимания и дополнительного исследования.

Из произведений, созданных на Руси в XI—XII вв., внимание Ф. Дворника привлекают „Начальная русская летопись“, церковный устав Владимира, сочинения Илариона, Луки Жидяты, митрополита Никифора, Владимира Мономаха. Вслед за русскими историками церкви Ф. Дворник признает, что, хотя правила Устава Владимира основаны на византийском церковном законодательстве, некоторые положения отличают устав от норм, известных в Византии: расширение церковной юрисдикции, своеобразный порядок разрешения споров, затрагивающих и духовную и светскую стороны, наконец, введение десятины. Пытаясь найти объяснение двум первым явлениям, Ф. Дворник, следуя общим своим установкам, ищет их за пределами Руси и ссылается на некоторые более или менее близкие нормы среди толкований к Кодексу Юстиниана или объясняет их упрощением византийских норм. Но тем самым он признает — вольно или невольно — возможность для русских законодателей выбрать те нормы, которые больше соответствовали местным условиям.

Еще менее удачной является попытка автора рецензируемой работы рассматривать в качестве источника знакомства русских с десятиной пошлину, которую, как свидетельствует Ибн Хордадбех, брал хазарский хакан с русских купцов. Перед нами совершенно разные явления: пошлина, которую в средние века обычно платили купцы за проезд через территорию, лежавшую на их пути, и отчисление княжеских доходов на содержание защищающей эти доходы церкви¹⁰.

Подвергая рассмотрению сочинения русских церковных писателей XI—XII вв. с точки зрения отражения византийских политических идей, Ф. Дворник нигде не прослеживает связи идейного содержания этих сочинений с конкретными условиями, породившими их. Очень характерным, в частности, является отношение автора к сочинениям Илариона. Так, говоря об источниках этих сочинений, он в первую очередь указывает притчу о восьми блаженствах. Вместе с тем, разбирая вопрос о влиянии Илариона на писателей своего и последующего времени — Климента Смолятича, митрополита Даниила (которого, кстати сказать, Дворник считает писателем того же периода, что Иларион и Климент), русскую и украинскую житийную литературу вплоть до XVII в., Ф. Дворник особо подчеркивает, что „Иларион более, чем какой-либо другой русский автор, ответствен за то, что византийские идеи о гармоническом отношении между церковью и государством и о праве князя

¹⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 109—111; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2, М., 1956, стр. 171. Заметим, кстати, что Ибн Хордадбех сообщает, что такую же пошлину брал с русских купцов не только владетель хазар, но и царь Рума (De Goeje. Bibliotheca geographicoarabica, t. VI. Leiden, 1889, p. 154). Исчерпывающий обзор свидетельств о десятине в Византии и связанных с ней странах Европы дан в опубликованной недавно статье Г. Ф. Шмида (H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen. — „Jahrbuch der Österreichischer Byzantinischen Gesellschaft“, VI, 1957, S. 45—110).

заботиться о целостности и чистоте церкви стали путеводной звездой для политической и религиозной эволюции на много веков“ (стр. 106).

Используя работу И. Шевченко о Повести о Варлааме и Иосафе¹¹, Дворник говорит о знакомстве Кирилла Туровского с этой повестью, судя по включенному им в послание Василию, игумену Печерского монастыря, отрывку из повести, попавшему в нее в свою очередь из трактата Агапета. Эта повесть была переведена на Русь уже в XI в., а в отдельных частях в болгарском переводе была известна и ранее. Однако, если признать это заимствование, следует отметить, что Кирилл значительно изменил текст повести и Агапета, перенес образную характеристику в короля („И правда была достигнута им [царем], который был украшен венком мудрости и облачен в пурпурное платье справедливости“ — по переводу у Ф. Дворника, стр. 108) на монахов („Но суть целомудрием оболочени и правдою поясани, смиреннем украшени“¹²) и тем самым лишил его того смысла, который важен для нашего автора в его аргументации.

Неоправданно большую роль в развитии русской политической мысли XII в. отводит Ф. Дворник киевскому митрополиту, греку Никифору, автору посланий к Владимиру Мономаху. Дело доходит до того, что он считает деятельность Владимира плодом проповедей Никифора (стр. 112). Нужно ли доказывать, что только совершенно отвлекаясь от внутренних условий феодальной Руси начала XII в. и слепо следуя за проникнутыми средневековым христианским мышлением источниками, можно видеть в деятельности Владимира Мономаха продукт византийского влияния и олицетворение христианской идеи благоверного правителя. Объединение удельных князей и восстановление единого государства было необходимо для защиты русских земель от разграбления половцами. Владимир Мономах, задолго до того как стал киевским князем как выдающийся государственный деятель правильно понял политическую задачу, стоявшую перед русскими князьями, и, обладая организаторским талантом, сумел задержать процесс дробления „Русской земли“, который являлся выражением в государственном строе глубоко зашедшей феодализации Руси¹³.

Говоря обо всем этом, мы отнюдь не собираемся отрицать того, что можно проследить связь между посланием Никифора и деятельностью Мономаха, например, в Уставе Владимира Мономаха, который был ответом на крупное городское восстание в Киеве в 1113 г. Необходимо только помнить, что призывы митрополита, жившего в Киеве, к князю сами были ответом господствующих классов города на эти события¹⁴.

Неоднократно и в разной связи возвращается автор к вопросу о роли церкви как носительницы византийских идей в истории Руси. Он признает, что греческое духовенство должно было приспособляться

¹¹ I. Ševčenko. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology. — „Harvard Slavic Studies“, 2, 1954, p. 148—150.

¹² И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, XII, стр. 351.

¹³ См. советские работы: А. С. Орлов. Владимир Мономах. М. — Л., 1946; И. У. Будовниц. Владимир Мономах и его военная доктрина. — Исторические записки, № 22, 1947, стр. 42—100; его же. „Изборник“ Святослава 1076 года и „Поучение“ Владимира Мономаха. . . , стр. 44—59.

¹⁴ См. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1949, стр. 196—197, 496—498; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде. М. — Л., 1941, стр. 206—211; его же. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 130—148; В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 172—175; Очерки истории СССР. . . , ч. I. М., 1953, стр. 190—193.

к местным условиям, но оно, подчеркивает Дворник, всегда отстаивало и проводило византийскую идеологию. Так, столкнувшись на Руси с таким государственным строем, когда власть над территорией государства была поделена среди сыновей Ярослава при номинальном главенстве киевского князя, „греческие священники и их местные ученики“ поддерживали и единство русской земли, и единство русской церкви будто бы только потому, что духовенство было носителем „византийских политических принципов“. Дальнейшее дробление древнерусского государства в XII—XIII вв. показало ту подчиненную по сравнению с социально-экономическими условиями роль, которую могли играть прежние идеи, хотя бы и освященные византийским авторитетом. Что касается заинтересованности церкви в единстве русских земель, объясняемой Ф. Дворником идейными побуждениями духовенства, то и эта заинтересованность не может быть выведена лишь из желания воплотить те или иные идеи. Подчинение всей русской церкви одному киевскому митрополиту, сохранение владений церкви от разграбления половцами, регулярное и полное поступление доходов требовали такого единства.

В работе Ф. Дворника, целиком посвященной вопросу о значении византийских политических идей в истории политической мысли древнерусского государства, осталось невыясненным, к сожалению, что же из богатейшего византийского наследия оказалось негодным в новых условиях, какие византийские идеи, не найдя для себя почвы в общественном и государственном строе Руси X—XII вв., не были „перенесены“ и „воплощены“ в этой стране. Автор, например, только мимоходом упоминает о том, что на Руси порядок поставления епископов не совпадал с византийским. Он противоречил часто византийским каноническим правилам. Русские князья считали себя полномочными избирать кандидатов в епископы и смещать их¹⁵. Интересно отметить для выяснения политической идеологии домонгольского времени, что летописцы, эти идеологи феодального общества, из плена идей которых нелегко бывает выбраться и современному исследователю, не только не порицают князей за присвоение этой власти, но в некоторых случаях и прямо одобряют. Многочисленные жалобы в литературных памятниках на поставления „на мзде“ свидетельствуют о большом распространении симонии, осуждаемой византийскими канонами¹⁶.

Рассмотрению в этом плане мог бы быть подвергнут, например, и вопрос о различии в понимании в византийской политической и юридической литературе и на Руси порядка престолонаследия. В Византии, как известно, в силу определенных исторических условий возникла и бытовала идея о праве императора, пришедшего к власти в результате соправления, как божественном праве¹⁷. Эта идея благодаря защите ее в Житии Константина Философа была известна на Руси¹⁸, но не получила развития и практического воплощения.

Другим вопросом, без изучения которого нельзя обойтись при рассмотрении поднятой Ф. Дворником проблемы, является вопрос об отражении идеи о характере княжеской власти и взаимоотношении верховной светской и духовной власти в политической мысли Новгорода, прослеживаемой по древнейшим новгородским летописным сводам.

Наконец, существенным недостатком рецензируемой работы яв-

¹⁵ Например, в 1156 г. в Ростове или в 1168 г. в Чернигове.

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956, стр. 179.

¹⁷ N. G. Svoronos. Le serment de fidélité à l'empereur Byzantin et sa signification constitutionnelle. — REB, t. IX, 1952, p. 117.

¹⁸ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 13.

ляется то, что автор, занимаясь историей политической мысли на Руси X—XII вв. (с экскурсами в XIII—XVI вв.), не видит развития этой мысли и даже не ставит своей задачей исследовать ее развитие. Он видит только более или менее полное и удачное воплощение готовой, заимствованной идеи, доверчиво следуя за построениями средневековых христианских идеологов.

В результате можно сказать, что Ф. Дворнику не удалось правильно показать ни настоящую историю идеи княжеской власти на Руси, ни подлинное значение византийских политических идей в истории русской политической мысли. Эта тема еще ждет своего исследования.

После работ советских историков, археологов, литературоведов, искусствоведов, посвященных изучению конкретных вопросов взаимоотношения общества и его культуры, работ, являющихся значительным шагом вперед в мировой историографии, становится все яснее, что каждый исследователь, желающий своему труду быть если не последним словом современной науки, то хотя бы значительным вкладом в нее, должен не только знать все главное, что сделано его коллегами, но и строить свою работу на фундаменте глубоких исследований первопричины всех общественных явлений — социально-экономической жизни общества. Без этого его работа не может служить науке.

Я. Н. Щапов

Обзоры

(Византиноведение за рубежом)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИИ В 1954—1957 гг.

История Византии всегда привлекала внимание болгарских историков и занимала важное место в их исследованиях. Это вызвано тем обстоятельством, что болгарский народ в течение всего средневековья был соседом Византии и поддерживал с ней тесные экономические, политические и культурные связи. Они начали устанавливаться уже в период расселения славянских племен на Балканском п-ве. После возникновения Болгарского государства, и особенно после принятия Болгарией христианства (865 г.), связи с Византией становятся еще более тесными. В XI—XII вв. болгарские земли были, как известно, непосредственно включены в состав империи. Взаимосвязи между Болгарией и Византией продолжали развиваться и в период Второго Болгарского царства (1185—1396). Естественно, что византийское влияние на общественную и культурную жизнь болгарского народа было весьма велико, но и Болгария в свою очередь оказывала влияние на империю.

Большой интерес болгарских ученых к истории Византии связан и с тем, что сочинения многих византийских авторов являются важными источниками и по нашей отечественной истории.

В период, которому посвящен этот обзор, т. е. в 1954—1957 гг.¹, болгарское византиноведение по-прежнему уделяло значительное внимание исследованию вопросов социально-экономической истории Византии и, в частности, проблеме происхождения, сущности и развития византийского феодализма. Отметим наиболее интересные и важные, на наш

¹ Мы не рассматриваем работ предшествующих лет, так как это сделано уже в подробном обзоре Э. В. Удальцовой „Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944—1953)“. ВВ, VIII, 1956, стр. 344—366.